

ей жизни. Когда сдавала экзамены в институт, не оставило чувство какой-то удивительной полетности, — все удавалось. Была уверена, что все смогу, все получится, сложится прекрасно...

— У вас и в самом деле прекрасно все складывается. Через год после окончания вуза вы стали актрисой БДТ, и первая работа в «Кроткой» была исключительно серьезной и значительной. Достоевский всегда большое испытание для актера.

— Да, было подарком судьбы то, что Лев Абрамович Додин вызвал меня для этой роли. Нас ведь распределили сначала в Томск — целую группу. Там нам обещали квартиры трехкомнатные, голубые ванны и «розовые телефоны» — не обещали только настоящей работы. А это каторга для актера. Я вот и сейчас, несмотря на свою занятость и даже усталость, если нет репетиций, не знаю, куда себя девать, мне неспокойно, кажется, что время проходит зря.

А тут такая роль! Да еще в паре с таким актером, как Олег Борисов. Работать мне с ним было сладостно — трудно, другого определения не подобрать. Кажется, что в спектакле я ему только что не мешала, а своего, особенного сказать не смогла. Чем дальше, тем больше ощущаю, что Кроткая, войдя в меня однажды, не оставит уже до конца. Очень хотелось бы сейчас вернуться к ней.

— Наташа, а как по-вашему, такая героиня, как Кроткая, — это важно сегодня, это нужно?

— Конечно, ведь там же все про любовь! Про то, что ее нет! Про то, что она есть! Про одиночество человека. Про то, как мог бы быть счастливым он, как он должен быть любим. У Достоевского об этом говорится на «высоком» языке. Мне кажется, сегодня этого не хватает в жизни.

— Но ведь и в Виктории из спектакля «Счастье мое» в Малом драматическом театре, где работаете сейчас, так далеко отстоящей от Кроткой, вы тоже находите гордую «кротость» — непримиримую силу духа.

— Хотя, казалось бы, история в спектакле проста — встретились двое, потом расстались. Но все дело в разных устремлениях. У моей Виктории — большие мечты и задачи: ей нужно передать «трон» — свою жизнь — дочке, а Ему нужно выбрать между ней и другой... Ей нужно создать свою мечту во плоти — а Ему жениться, сделать карьеру. Мне бы хотелось еще раз сказать, что человек должен быть счастливым вопреки всему. Потому что несчастным быть легко. Человек должен быть красивым и счастливым. Он такой, когда создает, борется, любит. Спектакль этот я люблю и рада каждый раз возможности искать и пробовать...

— Наташа, а с кем из ваших героинь вы чувствуете наибольшее родство душ?

— Конечно же, с Лизкой. Люблю ее, как сестру. И каждый раз, каждый спектакль желаю ей силы верить, что все будет хорошо и у Прыляных, и у всех пекашинцев.

...Наташа опять заговорила о своем любимом спектакле, о московских гастролях, — о том, какая публика в Москве, как там не хватало «своего» зрителя, который «не фразу ловит остроу, а страдает вместе с ними»... А я следила за ее лицом и искала определение тому неуловимому, что наконец вырвалось из плена зеркал: — это же лицо сестры, той самой, которая поймет и будет говорить какие-то простые и обыкновенные слова, но единственно нужные, потому что они придут сразу из нехитрого и доброго сердца.

А. КРАВЦОВА

Фото А. Укладникова

... ЗА КУЛИСАМИ неожиданно пахло вареной картошкой... В первый момент трудно было не растеряться — кажется, я шагнула в мир пекашинцев, который продолжался после спектакля еще более реальный и живой. Актеры, не разгримировываясь, сидя на чем попало, братски делились хлебом, передавая его из рук в руки, смеялись, шутили. Только что закончилась первая часть спектакля «Братья и сестры», а через полтора часа должна была начаться вторая, спектакль, рассчитанный на два вечера в этот раз шел в один день, Наташа Акимова, — нет, абрамовская Лизка, — встала навстречу, посмотрела голубыми, прозрачными глазами, совсем подросток в коротеньком линиялом платье: «Я вот сейчас закончу, мы вот сейчас...»

После спектакля в зеркалах артистической ее лицо — уже без грима — как-то дробилось, ускользало, оставаясь внимательно доброжелательным, не выдавало какой-то очень важной своей черточки.

— Скажите, Наташа, как вам удастся в себе все это находить? Вот такую Лизку, с ее нетронутой трепетностью, Кроткую из Достоевского, с таким далеким от вас миром «униженной и оскорбленной», наконец, послевоенную девчонку Викторию, у которой оказывается так много мужества и жизнелюбия?

— Из жизни, конечно. Живу, как все: была уже и очень счастливой, и очень несчастной — знаю немножко, как в жизни бывает. А откуда же еще — все из себя. Конечно, мне везет в том смысле, что роли, которые играю, — замечательные, написанные авторами любовно и очень жизненно. Сколько у моей Лизки в спектакле остается «за кадром»! Там есть одна сцена у Абрамова, когда она не может корову выдонтить — маленькая еще, ногами до полу не достает, а вель упирается нало, когда доньш, — плачет, потому что меньшие орут и не понимают, что «война на свете и мамка на работе».

Наташа так живо показала, как доится эта самая корова, до которой не доросла ее Лизка, что я невольно спросила:

— Вы, наверное, родились и выросли в деревне?

— Нет. Мой отец военный — мы больше ездили. А с пяти лет жили в Таллине — от туда я и уехала поступать в театральный. Все это случилось как-то «вдруг». О сцене не мечтала, специально себя к ней не готовила. Жила благополучно. А когда-то — до сих пор очень хорошо помню этот дождливый день — подошла к окну, посмотрела на знакомую улицу, и так захотелось переменить все в сво-

ЛЮБИТЬ И ВЕРИТЬ

